

С. В. Рязанова

АРХАИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ

Анализируется роль и доля архетипических образов в программах политических партий, материалах, связанных с выборами, региональных политических мифах, текстах новых религий. Исследуются основные тенденции и перспективы использования архаических сюжетов.

Ключевые слова: архетипы, мифологические сюжеты, политические программы, выборы, новые религии.

Зависимость количества мифологем и их природы от характеристик режима или политического учения остается спорным вопросом. Если в границах недемократических идеологий присутствие архаических и архетипических образов прослеживается достаточно отчетливо, то демократические формы правления, благодаря наличию основания в виде антропного фактора, потенциально могут строить свои идеологии на основании других форм мировоззрения. Вместе с тем, возникает вероятность замены коллективных мифов явлениями индивидуального генезиса, также имеющими мифологическую природу: «Демократическая форма правления, которая выдвигает на первый план идею индивида и его личного выбора, ведет к разложению мифологии. Однако это не значит, что демократические, гуманистические или какие-либо иные ценности не могут в свою очередь выродиться в своеобразную мифологию» (Торков).

Архетипические образы в своем бытийствовании не исчерпываются рамками идеологии тоталитарных режимов. Современная политическая ситуация в России и за рубежом дает множество примеров этого. Необходимо отметить, что реанимирование архетипических компонентов мифологического сознания, которые внешне можно охарактеризовать как ксенофобию, изоляционизм, чувство превосходства по отношению к странам-соседям, может иметь место и в условиях режимов, которые позиционируют себя как демократические. Речь идет не только о самопредставлении и самоидентификации. Мифологическими по своей сути свойствами наделяется и потенциальный враг. Ему приписываются неопределенность, непредсказуемость, асоциальность вне любых нормативных и конвенциональных ограничений, исходящая от него смертельная

опасность (см.: Гудков, 2005, с. 11–12, 14). Формируется представление о социуме как гомогенной системе (например, на смену идее интернационализма и многонациональности приходит акцент на понятии «русская нация», «русский народ»). Распространяет способ легитимации через обращение к более раннему историческому опыту (см.: Зверева, 2005, с. 307–308).

Все указанные характеристики, по данным ВЦИОМ, характерны для российского общества конца 1990-х – начала 2000-х годов (Гудков, 2005, с. 9). С. Медведева полагает, что и на современном этапе отечественной истории, не характеризующимся господством тоталитарных методов руководства, архаический миф по-прежнему является актуальным, что подчеркивают данные социологических опросов, касающихся идеальной власти (Медведева, 2003). Авторы проекта «Русский миф» также указывают на непреходящую значимость архаического для современных мифов, выделяя для отечественной культуры три наиболее значимых — три основных компонента российской национально-политической мифологии: миф о Западе, миф об угрозе, миф об особом человеке (Зеркало и рамка). Современный российский миф как вмещающий в себя указанные мифологемы служит консервирующим началом для социокультурного пространства.

Это наталкивает на мысль о том, что ведущим фактором в формировании идеологий режимов любого рода являются не успешные PR-акции, а те предпосылки для мировосприятия, которые связаны с особенностями человеческого сознания: «никакая пропаганда не может быть действенной, если она не опирается на ожидания и запросы массового сознания, если она не адекватна уже имеющимся представлениям, легендам, стереотипам понимания происходящего, такого рода мифологическим структурам. Внести нечто совершенно новое в массовое сознание — дело практически безнадежное. Поэтому рост значимости представлений о враге всегда является производным усилий и движений с двух сторон — заинтересованных и относительно рационализированных интерпретаций господствующих элит и аморфных, разнородных массовых взглядов, объяснений, верований, суеверий, символов, традиционных элементов идентификации» (Гудков, 2005, с. 11). Речь идет, с нашей точки зрения, как раз о слое образов, которые имеют архетипические основания.

Упор на образы, имеющие мифологические корни, имеет место и в рамках платформ отдельных политических партий. Значительную долю такого рода паттернов присутствует в текстах, отражающих политическую платформу «Единой России». Для единороссов очень важным является понятие центра. «Идеологической основой

партии является политический центризм, который в понимании партийцев не среднеарифметическое между “левизной” и “правизной”... В основе центризма — стремление решать реальные проблемы, а не строить мифическое “светлое будущее” для далеких потомков» (Целью «Единой России»); «центризм ориентируется на актуальные вопросы и отвергает абстрактные схемы, оторванные от жизни. Центризм отталкивается от сложившейся практики. Он против бессмысленных экспериментов, против любого радикализма и революционности, необдуманных и поспешных шагов. И правые, и левые часто выступают с утопических позиций, мы же не можем себе этого позволить. “Единая Россия” — организация, призванная объединить все созидательные силы общества, нацеленные на реальную работу, а не пустые разговоры» (Доклад Б. В. Грызлова). По мнению Д. Медведева, «большие цели, которые партия ставит перед собой, настойчивость в стремлении учитывать и отстаивать интересы граждан — позволяют “Единой России” реально влиять на общественные процессы. Позволят вырасти в серьезную политическую силу и стать авторитетным центром общественной жизни не только в столице, но и в регионах» (Приветствие Президента). Широко используется и образ единства, отраженный в названии партии — «важнейшей политической задачей нашей партии является обеспечение единства и сплоченности нашего общества при всей разнице взглядов и убеждений наших граждан» (О ходе выполнения); «регламент Совета Федерации не предусматривает создания в нем фракций или иных партийных объединений, но общность взглядов сенаторов-членов партии “Единой России”, несомненно, является дополнительным консолидирующим фактором» (Доклад Б. В. Грызлова). Единство, основанное на политической деятельности, не только должно, согласно логике идеологов партии власти, консолидировать страну (Целью «Единой России»), оно как принцип подразумевает уникальность реализующего его субъекта. «Граждане России ждут от нас решения всех этих проблем. “Единая Россия” — единственная партия, которая способна эти проблемы решить» (От стабилизации к развитию).

Идеологи КПРФ в публичных выступлениях делают акцент на уникальности российской истории и культуры. «С точки зрения исторической Россия являет собой особый тип цивилизации» (Ципко, 1995, с. 5). Они обращаются к прошлому в стремлении обосновать необходимость реализации предложенных ими проектов: «корень наших бед — наступление на вековые ценности и идеалы» (Предвыборная платформа КПРФ). Г. М. Верещагин отмечает наличие архетипических образцов в имидже бессменного лидера ЛДПР (Верещагин, 1997, с. 76–84). О. Иссерс утверждает, что обращение к

архаическим образам характерно для представителей практически всех политических течений, активно эксплуатирующих архетипические образцы в виде образов Патриота и Державника, Мудрого вождя, Провидца, Военного, Отличного семьянина, Хозяина или Сильной руки, Борца за социальную справедливость» (Иссерс, 1996, с. 71–74).

В. Д. Нечаев, анализируя специфику региональных мифов на постсоветском пространстве, также показывает присутствие в текстах, создаваемых политтехнологами, мифологом, опирающихся на архетипические образцы. Это очень популярные идеи «покровителя простого народа» и «защитника региона» как культурного героя, описываемого с применением схемы бинарных оппозиций (Нечаев, 1999, с. 44, 61), трактовка региональной идентичности как основы для единства всех других групповых идентичностей (Там же, с. 45), противопоставление региона и столицы как порядка и Хаоса (Там же, с. 58–59), рассмотрение региона как замкнутого и самодостаточного пространства (Там же, с. 82), утверждение его неповторимости и превосходства («Второй такой земли как Кубань больше нет нигде в мире», «Положение Приморского края уникально», «Тульская область — особая») (Там же, с. 84–85). По мнению этого автора, все перечисленные мифологические образы служат задаче легитимации политического курса и выступают как реализация механизма компенсации комплекса провинциала (Там же, с. 103–104).

Об архетипическом характере электорального процесса говорит и М. Кошелюк: «Строительство имиджа кандидата идет на всем протяжении кампании, и это встречный процесс — от избирателя к кандидату и от кандидата к избирателю. В ходе этого встречного движения и разыгрывается тот миф, который как бы подспудно лежит в глубинах коллективной психики. В этом смысле предвыборная кампания представляет собой оживший на время мифологический сюжет» (Кошелюк, 1998, с. 17).

Значительную долю предвыборных слоганов составляют те, которые прямо или косвенно используют архетипические мотивы и образов (Коллекция политических слоганов, 2004). Очень популярными являются призывы к установлению единства и порядка: «Сильная Россия — единая Россия», «Сила России — в монолитности», «Единая власть — единая Россия», «В единстве наша сила», «В единстве Отечества гордость и слава, пусть станет великой наша держава!», «Если мы выступим единым фронтом — мы победим»; «На смену хаосу должен прийти порядок», «Где нет единства, там нет и дела», «Где согласие — там победа», «Мы объединим русских в исторических границах России». Зачастую единство заменяется призывом к совместности: «Время быть вместе», «Давай-

те выиграем вместе», «Вместе легче развиваться и интересней жить», «Вместе мы восстановим веру в свои силы», «Вместе мы все преодолеем», «Вместе мы горы свернем», «Вместе мы можем уверенно смотреть в будущее», «Вместе мы победим», «Вместе мы сила! Потому что мы правы!», «Вместе мы сможем все».

Активно используется акцент на уникальности и превосходстве страны и региона, эксплуатирующий мифологические представления о замкнутом культурном пространстве: «Голосуй за русских», «Время быть русским», «Великая страна! Великий народ! Вместе в достойное будущее», «Горжусь тем, что я свердловчанин», «Урал скрепляет Россию», «Наш народ — самый лучший», «Очистим Урал от московского мусора». В ряде случаев идея избранности и неповторимости связывается с узкой группой: «Труженики села — избранники Бога», — или личностью: «С ним свет родного очага», «Парень из нашего города (двора)», «Настоящий уральский характер». Обязательно используется и образ центра как наиболее сакрального места («Партия. в центре списка (в центре политики)»).

В предвыборных программах широко распространен и ретроспективный взгляд на историю страны, установление неразрывной связи будущего с прошлым: «Сохраним традиции России», «Рядом с ними надежно! — Дорогие мои старики, я с Вами!», «Возродим наш родной край», «Возродим традиции уральских мастеровых», «Возрождение деревни — это возрождение русской нации, ее духа, традиций и обычаев», «Вернем былое величие «оборонке!»», «Вернем веру в государство», «Вернем себе Россию», «Вернем Уралу былую славу», «Верность традициям — верность долгу», «В наших корнях — наша сила», «Ваш голос за возрождение (культуры, России, села и т. д.)», «Будем достойны мудрости наших предков», «Берегите старых людей, без которых не было б нас», «А когда молодым — веселье, а старикам — почтение, тогда и в мире порядок!». Используется и традиционная трактовка власти: «Сильная власть — сильное государство», «Порядок в стране — это твердость власти», «Настоящий народный лидер и заступник».

Использование слоганов с архетипическим основанием не является прерогативой одной партии или определенного направления. Архаическое содержание в равной мере применяется всеми участниками политического процесса, что подтверждает эффективность использования мифологем такого рода и в открытом политическом пространстве.

Примеры воспроизводства архаических образцов встречаются и вне пространства выборов. Политические мифы, имеющие архаические основания, конструируются не только в границах собственно политической деятельности. Субъектами их генерирования на со-

временном этапе развития культуры выступают и те явления, которые, официально не имея характеристик политического феномена, тем не менее, присутствуют в идеологическом пространстве и оказывают влияние на политическое сознание индивидов и групп. Речь идет о религиозных движениях нового типа, которые, благодаря синкретической природе и влиянию секулярной культуры, распространяют свою деятельность за пределы собственно сферы религиозного опыта. Даже те религиозно-мистические учения, которые пропагандируют аполитическую позицию, влияют на поведение и мышление индивида в политическом континууме. Это отмечал еще М. Паренти, указывающий, что пропагандирующее аполитичность учение Нью Эйдж фактически формирует тоталитарное сознание (Parenti, p. 24). Следовательно, применительно к учениям новых религий мы можем говорить о наличии имплицитной политической мифологии. Последняя сочетает использование набора архетипических образов в сочетании с модернизированным и инструментальным подходом в оценке действительности и формировании моделей индивидуального и группового поведения.

Своеобразным промежуточным звеном между аполитичными мистиками типа Нью Эйдж и теми, кто делает попытки формулировки собственной политической платформы, можно поместить уже практически отошедшее в прошлое движение «Выбери свое будущее». Организаторы движения говорят о несовершенстве мира и возможной гибели человечества и предлагают сформировать нового типа мировоззрение на основе духовных приоритетов.

Отличием данной структуры становится предложение использовать органы власти в качестве инструмента для воплощения некой утопии. В распространяемом в виде листовок «Напутствии Творческим центрам Объединения организующих духовно-нравственных сил общества» повествуется о получении человечеством Законов Космической эволюции и использовании энергии мысли, а также необходимости проведения референдума для утверждения данных законов как основополагающих для российского общества. Звучит призыв сплотить социум для избрания «таких представителей власти, которые готовы принять и исполнить эти законы» (Народное движение, 2000, с. 9). Последние можно считать своеобразной партийной программой так называемого народного движения, хотя такого официального названия сами законы не получали. Утверждается, что решение предложенной задачи «возможно только при объединении усилий всех организующих духовно-нравственных сил общества вне зависимости от их социальной, партийной, религиозной или национальной принадлежности» (Там же, с. 9). Предполагаемое исчезновение всех социальных разграни-

чений на самом деле не означает распространения демократизма в обществе. В случае господства единых законов это должно привести к утрате индивидуальности и подчинению личности идее. Высокодуховные цели должны быть реализованы посредством эффективных и почти материальных по природе инструментов.

Предлагаемая модель новой духовно-социальной среды больше похожа на религиозный канон, некую эсхатологическую реальность, которая должна быть воспринята некритически. Власть в рамках этой модели призвана играть роль проводника между мировоззрением народа и идеологией новой духовно-социальной среды. Тем самым, исходя из мировоззрения большинства будет сделан «выбор власти, которая, отвечая мировоззрению народа, воплощает идеологию, законы, экономику и жизнь» (Там же, с. 11). В соответствии с Законами Единого Космоса «государственное устройство должно представлять систему единого организма, где каждый элемент находится в гармонии со всем организмом» (Там же, с. 12). Религиозные и этические выкладки здесь призваны играть роль экономической теории и политической технологии.

Учение группы «Раса Единого»¹, чье существование было официально прекращено по решению суда, также нельзя считать полностью сложившимся. Но и в имеющихся материалах есть элементы примитивной политической позиции. Так, одним из необходимых компонентов утопической социальной программы будущего предполагается неоспоримая королевская власть, которая должна контролировать те два миллиарда представителей человечества, кто сможет выжить в мировых катаклизмах и перейти в новое измерение (Михайлова, 1999, с. 95). Апелляция к монархической традиции здесь может быть связана с привычным образом «справедливого батюшки-царя» из русских народных сказок, или возникнуть как выражение неприятия существующей в обществе республиканской модели правления.

Существуют и более «обоснованные» монархические проекты, иногда замаскированные под различные варианты «правления лучших». Учение группы «Экология сознания»² нельзя назвать

¹ Группа была организована в Перми приехавшей из Челябинска проповедницей И. Майер. Учение группы характеризовалось крайним апокалиптизмом и вульгарным синкретизмом. Само образование просуществовало в городе около года и было распущено в результате судебного процесса, начатого родственниками последователей Майер. По нашим данным, за пределы региона учение не распространилось.

² Сейчас группа чаще использует самоназвание «Внуки Сварога». Идеальный вдохновитель и основатель учения — А. Трехлебов, являющийся автором значительного числа используемых группой трудов.

сформированным в спешке. Это подтверждает и значительный объем выпущенной собственной литературы, и широкое привлечение «вспомогательных» текстов, большей частью относящихся к ведической и псевдоведической традициям.

Изложение собственного подхода начинается с критики существующей системы управления, причем с явным мистическим уклоном: радио, телевидение, периодическая печать, высшие учебные заведения, школы находятся, как правило, в руках адептов темных сил и используются для введения интеллектуального и мировоззренческого яда (Трехлебов, 1996, ч. 1, с. 29). Государственное устройство просто порочно по своей сути (Там же, с. 105). Причиной такой катастрофической ситуации является сама природа современной нам российской власти, бесовской по своей сути. В качестве подтверждения данного факта приводится избитая и абсолютно неаргументированная этимология слова «демократия» — как происходящего от слова «демон» (Там же, с. 30). Из этого следует, что главной целью демократии является кровопролитие как источник пищи для демонов. В качестве гносеологического основания своей позиции Трехлебов утверждает, что мнение большинства не может служить критерием истины: «Толпа не хочет знать истину, она жаждет мести» (Там же, с. 30). Поэтому человечество будет бедствовать до тех пор, пока им управляют демократы.

Есаул казачьего войска — не единственный критик существующего строя и сторонник радикальных мер по преобразованию общества. «К Богодержавию» генерала Петрова представляет собой уже не столько религиозную организацию, сколько политическое движение религиозной окраски. Декларируемую этим движением концепцию государственного устройства можно охарактеризовать как сочетание популизма, авторитаризма и ксенофобии³.

Как и в предыдущем случае, основной посылкой идеологически-религиозных представлений становится утверждение о несостоятельности существующей формы правления. Необходимость реформ обосновывается со своеобразных культурологических позиций — как закономерное следствие изменения частоты колебаний культуры человечества. Сама цивилизация должна сохранить собственную — библейскую — суть, изменив ряд внешних параметров. Новая социальная модель должна будет отвечать требованиям измененного, «информационного» состояния культуры.

³ Анализ описываемой концепции осуществляется на базе информации, полученной из видеозаписи. Положения, приводимые в кавычках, представляют собой дословное воспроизведение реплик самого Петрова.

Петров открыто заявляет, что в случае создания новой политической структуры необходимо «отказаться от социального идиотизма и чистоплюйства, жидовосхищения, либерализма и нигилизма». Ни одна из партий, по его словам, не способна осуществить необходимые преобразования, поскольку все они отстаивают устаревшую «толпо-элитарную модель». Все партийные организации не отличаются, представляя собой разные «упаковки» сатанинских концепций. Генерал даже предлагает собственную типологию существующих партийных течений (см.: Рязанова, 2009).

По мнению Петрова, для России остается единственно верный путь и способ существования — предложенный им самим. По утверждению Петрова, воспроизводящего классическую модель мифологического, абсолютно замкнутого, закрытого для новаций пространства, все партии России выполняют некую Гарвардскую программу, ставящую своей целью развал страны. Авторство данной программы якобы принадлежит некоему «Мировому Правительству» во главе с «Предиктором», стремящемуся установить в России предельно запутанные социальные отношения через распространение информации в среде, способной порождать некие структуры, и лидеров-ставленников. Методами деструкции это правительство выбрало подавление Соборного управления, усиление антагонизма внутри правящей иерархии, разрушение социальных и политических связей и вестернизацию российского общества.

Основными этапами становления новой политической системы должны стать распространение идей движения в массах, создание нового управленческого корпуса и перехват управления в стране. Под последним, как поясняет генерал, подразумевается не захват власти, а смена правил управления. Чтобы избежать обвинений в потенциальной узурпации властных структур, основоположник учения утверждает, что субъекты власти сами перейдут на новые правила благодаря повсеместному распространению истинных знаний и их «автосинхронизации» у всех людей.

«Общая теория управления», в соответствии с которой должно преобразовываться общество, предполагает прежде всего иерархичность самого управления, а также решение всех управленческих задач на основе индивидуального и соборного Разума. Божественный замысел, реализуемый человечеством, противостоит сатанинскому и исключает любой третий вариант. Корректировка новой модели управления должна осуществляться на основе достаточно расплывчатого принципа меры. В качестве методов концентрации управления предлагается разрушение местных структур власти и неотчетливо описанное «упреждающее вписывание» движения «К Богодержавию» в политическое пространство. Примером такой

эффективной модели управления является сталинский режим, поскольку сам вождь имел четкую концепцию власти, истинное знание было доступно любому человеку, а негативное в образе ГУЛАГа компенсировалось множеством позитивных социальных характеристик. Одобрение сталинских методов управления проскальзывает и в утверждении того, что предлагаемая Петровым концепция обязательно будет реализована в будущем, невзирая на меру издержек, «даже кровавых». В таком подходе налицо мифологическая актуализация ретроспективы, повышение ценности прошлого, сочетающееся с идеей моноуправления. Явно архаическими являются и жесткие требования к интенсивности протекания реформационных процессов, вне учета человеческого фактора.

Фактически в рамках этой политической платформы имеет место восстановление мифологического приоритета космического порядка по отношению к человеку. В роли Хаоса выступает современная политическая система, роль Космоса отводится грядущей идеальной модели, а сам Петров готов возложить на себя функции Демиурга. Религиозная и секулярная составляющие концепции, на наш взгляд, выступают в качестве вторичных по отношению к мифологической основе, несмотря на значимость дуалистических и эсхатологических положений. Внешне модернизированная идея Единого Порядка не представляет собой ничего принципиально нового для традиции политической мысли, особенно применительно к Востоку и России.

В ряде учений монархическое правление не выдвигается в качестве лозунга, но может подразумеваться (или допускаться) в качестве альтернативы идеям всеобщего равенства или демократии. В таких случаях исследователю остается только домысливать, реконструировать приоритетную для создателей учения политическую модель. Яркий пример такого рода недоговоренности — позиция Адб-ру-шина, ставшего известным в России благодаря книге «В свете истины». Сам текст представляет собой смесь околонуточных положений, христианских образов и сюжетов из кельтской и германской мифологии. И в нем только один раз появляется мысль, которую можно принять за отправную точку формирования политической платформы. Автор пишет, что коммунистические идеи бесплодны, поскольку все люди изначально разные и не подлежат унифицированию (Абд-ру-шин, 1994, т. 2, с. 167). На этом «политический» дискурс обрывается, оставляя последователям возможность самостоятельного определения своего положения в системе политических координат.

Сам образ унитарного и монархического правления при достаточно глубоком рассмотрении и обращении к идее коллективного

бессознательного, видимо, связан с активизацией архетипа единства. Для мифологического сознания идеальный мир должен быть един онтологически и социально, это основа гармонического существования Космоса. Будучи априорной структурой бессознательного, данный архетип обеспечивает постоянную актуальность монархической идеи в обществе и популярность образов правителя-монарха. Так, основатель Церкви унификации христианства Сен Мен Мун в 1985 г. короновал себя и свою жену, присвоив себе титул «Император Вселенной» в преддверии объединения всех государств в единую структуру под своим управлением.

Одной из наиболее ранних концепций единоличного правления, хотя и не монархического внешне, но наделенного чертами архаической системы управления социумом, можно считать ту, что изложена в «Агни-йоге». Ее создатели пытаются балансировать между стремлением сохранить демократические основы в устройстве общины и желанием упорядочить существующий мир. В результате возникает тео- или космократическая модель, производящая впечатление неаккуратного копирования старых политических трактатов Индии и Китая.

Изначально утверждается, что только «община-сотрудничество» есть единственно разумный способ человеческого сожития. Одиночество есть разрешение вопроса жизни вне общины. Все промежуточные явления — различные ступени компромисса и обречены на разложение. Говорят о наследственной теократической власти — само построение абсурдно. Слово «наследственность» и Тео несовместимы... Сознательная община исключает двух врагов общественности, а именно неравенство и наследование. Всякое неравенство ведет к тирании. Наследование является компромиссом и вносит гниение основы... Только из общины мы можем мыслить о будущем» (Агни-йога, 1996, т. 1, с. 258). Можно встретить и образы сродни идеям теории естественных прав. «Равноправие полов и племен есть одна из основ Государства. Вождь должен принять всю ответственность за соблюдение этих основ. Никакие пережитки не должны препятствовать тому, что подтверждено самою Природой. После прочтения этого отрывка возникают идеи о близости Николая Рериха к анархистам-экологам. Но предлагаемая им концепция государственности сразу отмечает подобные предположения: «Найдете людей, которые скажут — долой Вождей, долой Учителей, долой Руководителей. Знайте, что они паразиты, которые питаются смутю и разложением» (Напутствие Вождю, 1992, с. 10).

Собственно, Рерих критиковал не саму государственность как идею, а ее современное воплощение и понимание. «Правильно ска-

зано о массах и об отсутствии понимания государственности. Нужно добавить об отсутствии вождей народных. Нужно развить чувство ответственности в народе, чтобы глас народа истинно был бы гласом общины. Развитие чувства водительства так выродилось! Душа народа сокрыта, и тот, кто представляет государственность, должен иметь весь синтез народа. Невозможно допустить в будущем явление таких произвольных вождей, которыми наводнилась вся планета... не может быть по Высшему Закону случайных вождей... государственность должна проявляться во всем строительстве жизни. Явление нарушения народного выражения гласом вождя сказывается тяжкими последствиями» (Агни-йога, 1996, т. 4, с. 118). Речь идет не столько о демократическом выборе, сколько о необходимости управления политической деятельностью. Поэтому предлагается как создание Международного правительства (Агни-йога, 1996, т. 2, с. 16), так и института Вождей, полностью скопированного с архаических образцов — ибо «какое же государство процветает без великого Водителя» (Напутствие Вождю, 1992, с. 61). Весь государственный и общественный строй должен базироваться на космическом законе (Агни-йога, 1996, т. 4, с. 123). «Вождь, принявший бремя водительства, должен прикрепиться к Лестнице Мира Высшего. Именно он, в сердечном делании, должен постоянно укреплять себя эманациями Благодати» (Напутствие Вождю, 1992, с. 6).

Такой руководитель составляет основу для функционирования сферы политического в частности и онтологического в целом: «Вождь умеет представить себе, где сущность... Вождь знает, что он противопоставлен силам тьмы... Вождь должен помогать народу и очищать значение смущенных выражений...» (Напутствие Вождю, 1992, с. 8); «Срок и мера определены в сердце Вождя» (Напутствие Вождю, 1992, с. 9). Совершенно в духе даосизма «правитель должен оставаться невидимым, входя и направляя все действия» (Агни-йога, 1996, т. 2, с. 76). Любопытно, что ближайшим вождем такого рода считается руководитель русской революции. «Почтим Ленина со всем пониманием... нес Ленин пламя неугасимого подвига» (Путь к Общине, 1991, с. 6–7). За это Владимиру Ильичу дается титул Махатмы как одному из оплотов идеи Шамбалы в мире (Путь к Общине, 1991, с. 23). Геополитически вся концепция построена вокруг России как основы для возрождения мира и его центра, что также роднит Рериха с соответствующими авторами древности.

У вайшнавов теократия также унифицируется до единоличного правления. Высший принцип имеет надчеловеческую природу, но в обществе в подтверждение наличия преемственности восточных учений действует его (принципа) полномочный представитель. Он имеет право «вести как оборонительную, так и наступательную

войну и привести войска к победе... Он должен будет напасть, поработить их, нейтрализовать их злое поведение и затем построить в их стране общество общественного сознания» (Путь к Общине, 1991, с. 312).

Перед тем как мы сформулируем одну из тенденций эволюции монархической идеи, позволим себе привести еще одну цитату «вайшнавского» происхождения: «Если одно из сообществ сможет измениться и принять духовные ценности, очень важно, чтобы руководители закрепили *интересы этого духовного общества по всему миру*» (курсив мой. — С. Р.). Вооруженное сопротивление будет исходить только от демонических личностей, которые всем сердцем прилепились к атеизму и материализму. Именно этих людей необходимо выслать. Тогда мир освободится от их происков» (Путь к Общине, 1991, с. 312).

Нарисованная картина не представляет ничего нового в политической истории человечества, она уже несколько раз воспроизводилась в разные исторические отрезки и в разных социумах. В защиту самого Прабхупады можно сказать, что концепция была сформулирована уже после его смерти и не может считаться дериватом учения о поклонении Кришне. Вместе с тем нельзя не отметить, что диктатура все-таки представляет собой унифицированное и предельно сконцентрированное управление, как и монархия, отличаясь от последней прежде всего большими возможностями в сфере контроля. Идея абсолютной монархии, как нам представляется, неактуальна в современной политической жизни, поскольку она уступила свои позиции парламентаризму. Но сами чаяния монархистов в сильно модернизированном виде воплощаются именно в диктатуре, как соединившей в себе архаическую потребность в едином порядке и современные методы его организации.

Применение — случайное или нарочитое — архетипических образцов в условиях демократических режимов, помимо простого воспроизводства архаических мифов, потенциально содержит в себе возможности эффективного воздействия на психику индивида: «Используя политику как механизм организации массы по ее самосохранению, манипулируя архаикой и бессознательным массы, применяя типы страхов, толкающих человека в массу и предлагая массе систему “искупительных ритуалов”, не следует забывать о том, во имя чего, для каких целей используются эти механизмы: не используются ли специфические особенности массы для поддержки “пожирания” ею самой себя, для унификации и деперсонализации личности в массе через усиление механизмов массообразования, не превращается ли человеческая масса в объект манипуляции вождями всех типов и мастей, ибо, как уже было продемонстрировано

выше, насильственно поддерживаемый механизм инфантилизации сознания и методики работы с инфантильным сознанием масс отработаны веками человеческой истории» (Гусева). Следовательно, применительно к пространству политического мы можем характеризовать архетипические паттерны не только как основание для конструирования внешне новых мифологий, но и этически амбивалентный инструмент для реализации политических технологий.

В целом можно говорить о том, что доминирование архетипических образцов в современных мифологиях, сконструированных не только внутри политического пространства, но и в пограничных сферах общественного сознания, наглядно показывает, что для мифологической системы, вне зависимости от исторического периода ее формирования характерно сохранение а priori заданного компонента даже в условиях значимого внешнего влияния со стороны других форм мировоззрения.

Процесс транслирования архетипической составляющей мифологической системы, таким образом, сводится к полному воспроизводству формальных параметров, во многом определяющих содержательную часть. Это означает, что на любом историческом отрезке исследователь имеет дело не с мифологиями нового типа, а с системами, имеющими незначительную долю модернизированных элементов, не влияющих на сущность рассматриваемого явления.

Литература

Абд-ру-шин. В свете истины. В 2 т. М., 1994.

Агни-йога. В 6 т. М., 1992.

Верецагин Г. М. Влияние архетипов коллективного бессознательного на формирование имиджа современного российского политика (на примере В. В. Жириновского) // Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах. М., 1997. С. 76-84.

Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков. М., 2005. С. 10-18.

Гусева С. А. Современный политический миф: игра по законам архаики // <http://freud.by.ru/pages/guseva.shtml> (Дата обращения 04.01.2009).

Доклад Б. В. Грызлова на II Съезде партии «Единая Россия», Москва, 29 марта 2003 г. // URL: <http://www.edinros.ru/news.html?id=2780> (Дата обращения 04.05.2008).

Зверева Г. Чеченская война в дискурсах массовой культуры России: формы презентации врага // Образ врага / Сост. Л. Гудков. М., 2005. С. 304-322.

Зеркало и рамка: национально-политические мифы в коллективном воображении современной России. В основе статьи — материалы анализа и коллективного обсуждения в ходе работы над проектом «Русский миф» (Ю. А. Левада, Л. Д. Гудков, Н. А. Зоркая) // www.znanie-sila.ru/online/issue_568.html (Дата обращения 02.05.2008).

Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. 1996. Вып. 1. С. 71-74.

Коллекция политических слоганов // Сост. К. Киселев, С. Мошкин. Екатеринбург, 2004. 276 с.

- Кошелюк М.* Выборы — конфликт управляемый // *Собеседник*. 1998. № 2. С. 14–21.
- Медведева С.* Влияние социальной памяти россиян на их представления об идеальной власти // *Логос*. 2003. № 4–5.
- Михайлова М.* Спасение. Пермь, 1999. 112 с.
- Напутствие Вождю. Кемерово, 1992. 486 с.
- Народное движение «Выбери свое будущее». Изд. 4-е. В-Пышма, 2000. 22 с.
- Нечаев В. Д.* Региональный миф в политической культуре современной России. М., 1999. 157с.
- О ходе выполнения Предвыборной программы и организационно-политических задачах «Единой России». Доклад Председателя Высшего Совета Политической Партии «Единая Россия» Б. В. Грызлова // URL: <http://www.edinros.ru/news.html?id=83174> (Дата обращения 04. 05. 2008).
- От стабилизации к развитию: политические приоритеты Партии «Единая Россия» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=109233> (Дата обращения 04. 05. 2008).
- Предвыборная платформа КПРФ. «За нашу Советскую Родину» (октябрь 1995). Архив МБИО ИГПИ. Цит. по: *Фирсов Н. Н.* КПРФ: возрождение национального самосознания? // *Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах*. М., 1997. С. 36–56.
- Приветствие Президента Российской Федерации В. В. Путина делегатам II съезда Партии «Единая Россия» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=2784> (Дата обращения 04. 05. 2008).
- Путь к общине. Новосибирск, 1991. 237 с.
- Рязанова С. В.* Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь, 2009. 327 с.
- Топорков А. Л.* Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие // <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>. (Дата обращения 06.01.2009).
- Трехлебов А.* Атмадхарма. В 2 ч. М., 1996.
- Целью «Единой России» лидер Партии Борис Грызлов назвал процветание и величие страны // URL: <http://www.edinros.ru/news.html?id=2760> (Дата обращения 04. 05. 2008).
- Ципко А.* «Почему партия Геннадия Зюганова может победить на декабрьских выборах» (*Идеология КПРФ как попытка обгона марксизма справа*) // *Независимая газета*. 1995. 9 ноября. С. 5.
- Parenti M.* Land of Idols. Political Mythology in America. New York, 1994. 234 p.